

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

СКАЗКИ И
ПОТЕШКИ

Народное творчество (Фольклор)

Сказки и потешки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42573774

Сказки и потешки:

Аннотация

В этой книге собраны рисунки двух замечательных русских художников, классиков детской иллюстрации – Э. Э. Лиснера и Г. И. Нарбута. Их книжки-картинки, издававшиеся ещё в начале прошлого века в типографиях Сытина и Кнебеля, пользовались большой популярностью у маленьких читателей. Потом о талантливых иллюстраторах незаслуженно забыли, и лишь спустя почти 50 лет снова был издан Лиснер, а удивительные работы Нарбута так и остались в тени.

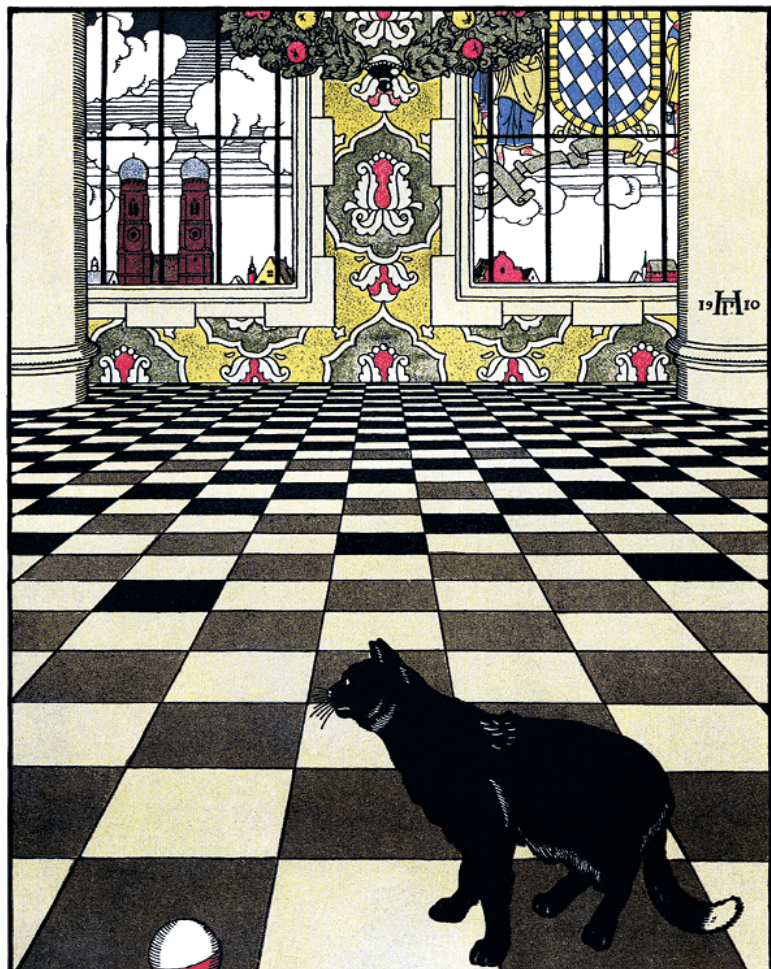
В сборник вошли русские народные сказки, сказки «Теремок» в обработке А. Н. Афанасьева и «Как мыши кота хоронили» В. А. Жуковского, а также фольклорные стишки-потешки.

Содержание

Два художника	6
Сказка о лисичке-сестричке и волке	12
Горе	27
Змей и цыган	43
Деревянный орёл	58
Теремок	72
Мизгирь	80
Журавль и Цапля	85
Медведь	91
Как мыши кота хоронили	96
Пляши, Матвей, не жалей лаптей	107

Сказки и потешки

* * *

Два художника

Два художника – две судьбы. Казалось бы, совершенно разные, но это только на первый взгляд. На самом деле у этих людей, которые, возможно, никогда не видели друг друга, очень много общего.

Хотя Эрнест Эрнестович Лиснер (1874–1941) прожил 67 лет, а Георгий Иванович Нарбут (1886–1920) – всего лишь 34 года, случись им встретиться, они, несмотря на некоторую несхожесть творческих убеждений и разницу в возрасте, непременно нашли бы о чём поговорить. Скорее всего, разговор пошёл бы о книгах.

Лиснер происходил из рода обрусевших австрийских дворян, его отец Эрнст-Константин жил в Москве и торговал чернилами.

Рисовать Эрнест начал с юных лет, он был самоучкой и писал в основном для собственного удовольствия. Лишь в 26 лет он решил профессионально заняться живописью и получить соответствующее образование. Поэтому в 1900 году молодой человек поступил в Академию художеств, проучился там восемь лет и был удостоен звания художника за картину «Привет вам, богатыри труда».

Вскоре Лиснера увлекли идеи передвижников, ставших своего рода символом русской живописи XIX века. Ведь ни до, ни после этого искусство не было так близко и понятно

широким народным массам. Лиснеру было на кого равняться, в рядах передвижников зажглись ярчайшие звёзды русской живописи: В. Д. Поленов, И. Е. Репин, В. И. Суриков, А. К. Саврасов, А. И. Куинджи и другие. А в 1909 году и сам 35-летний Лиснер стал участником 37-й выставки Товарищества передвижных художественных выставок.

Хотя идеи передвижников расходились с творческой позицией «миriskусников», к числу которых принадлежал И. Я. Билибин, многие принципы оформления книг, а также создания иллюстраций для них Эрнест Эрнестович почерпнул именно у Ивана Яковлевича и всегда относился к книге как единому живому организму. Поэтому в детских изданиях, оформляемых Лиснером, появлялись нарядные рамки вокруг рисунков, изящные буквицы и причудливые рукописные шрифты.

В последующие годы он состоял в разных объединениях мастеров изобразительного искусства, например в обществе художников «Свободное творчество» (1911–1918). Хотя опыт, приобретённый у передвижников, наложил отпечаток на всё его дальнейшее творчество.

После революции 1917 года и Гражданской войны Лиснер не прекратил работу и активно участвовал в общественно-художественной жизни первого десятилетия советской власти. В 1920-х годах он входил в состав объединения «Искусство трудящимся» (1925–1928), в группу художников «Крыло» (1926–1928), в Общество художников имени И. Е.

Репина (1924–1929).

Кроме того, в Москве, в Крестовоздвиженском переулке, в своём доме, Лисснер держал частную художественную студию, где давал уроки желающим заниматься живописью. Также там находилась «Типография Э. Лисснера и Ю. Романа».

Лисснер серьёзно интересовался историей, кисти художника принадлежит целая серия картин, посвящённых русско-польским войнам и Семилетней войне. Неудивительно, что его иллюстрации к сказкам всегда детально, объёмно и натуралистично демонстрируют русский быт, а костюмы персонажей, интерьеры помещений, предметы быта выписаны с особой тщательностью.

И пусть «книжное» наследие этого талантливого художника не слишком велико, нельзя не признать важность работ Лисснера для развития детской книги. Он оставил яркий след в истории российского книгоиздания, и его иллюстрации по сей день не теряют своего очарования.

Георгий Иванович Нарбут происходил из старого, но обедневшего дворянского рода. В семье Нарбут было семеро детей: пятеро сыновей и две дочери. Младший брат художника Владимир позже стал известным поэтом.

Поскольку денег на кисти и краски не хватало, маленький Гриша делал аппликации из цветной бумаги. Позже, учась в Глуховской гимназии, юноша увлёкся геральдикой и древне-

русским письмом. Он переписывал тексты, копируя старинные шрифты, перерисовывал заставки, рамочки и буквицы из древних книг.

В 1906 году по окончании гимназии Нарбут поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, но затем перевёлся на филологический факультет и одновременно начал серьёзно заниматься рисованием с такими же, как он, художниками-любителями. Молодые люди организовали выставку своих работ и пригласили на неё А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, К. А. Сомова, М. В. Добужинского, И. Я. Билибина и других «мирискусников», которые поддержали талантливую молодёжь. Так Нарбут познакомился с Билибиным, который взял начинающего художника под своё покровительство.

С иллюстрациями к детским изданиям Нарбут дебютировал в 1907 году, и эти иллюстрации сразу принесли ему известность. Большой творческой удачей стала книжка «Пляши, Матвей, не жалей лаптей» (1910 год), где художник мастерски использовал стилизованные изображения русских народных игрушек. Именно ранние книги Нарбута были по-настоящему детскими. Его более поздние рисунки стали строже и утончённее.

Делая обложки, Нарбут поначалу подражал Билибину, но позднее нашёл свой собственный стиль. Одними из самых интересных работ художника стали книжки, оформленные им в 1909 году для известного издателя И. Н. Кнебея.

Его тонкие узорчатые рисунки, выполненные тушью, гуашью или акварелью, со временем приобретали всё большее стилистическое многообразие. Также Нарбут иллюстрировал басни Крылова, сказки Андерсена, рисовал дворянские гербы для «Малороссийского гербовника», создавал прекрасные шрифты. Многие современники считали, что благодаря ему издававшиеся в то время книги стали более изысканными.

Нарбут хорошо знал издательское дело, много времени проводил в типографии. Отсюда чёткость рисунка и немногочисленность красочных тонов. Художник стремился, чтобы его иллюстрации было легко печатать. А книгу, как и И. Я. Билибин, он рассматривал в единстве текста и оформления.

Весной 1909 года Георгий Нарбут впервые участвовал в самой представительной столичной выставке того времени – VI выставке Союза русских художников, а в начале 1910 года по совету М. В. Добужинского он уехал в Мюнхен. Осенью того же года Нарбут вернулся в Санкт-Петербург и вскоре стал членом художественного объединения «Мир искусства». В 1914–1916 годах Георгий Иванович, всегда интересовавшийся историей, написал очень интересный цикл военных картин.

После Февральской революции 1917 года Нарбут уехал на Украину. Осенью он стал профессором только что образованной в Киеве Украинской академии художеств, а несколь-

ко месяцев спустя – её ректором.

В этот период художник работал над рисунками для «Украинской азбуки», разрабатывал дизайн новых денежных знаков Украины достоинством в 100 карбованцев, а также в 10, 100 и 500 гривен.

Георгий Иванович Нарбут прожил недолгую, но очень яркую жизнь, он успел создать свой неповторимый образный мир и свои очень узнаваемые книги.

Сказка о лисичке-сестричке и волке

Жили себе дед да баба. Однажды говорит дед бабе:

– Ты напеки пирогов, а я за рыбой поеду.

Запряг он лошадь в сани и поехал к реке.

Сидит, ловит рыбу. Пробегала мимо лисичка-сестричка по своим делам. Увидела она деда, и захотелось ей рыбкой полакомиться. Недолго думая забежала лисичка вперёд по дороге, где должен был дед проехать, легла, свернулась калачиком и прикинулась мёртвой. Была она большая мастерица притворяться.

Лежит, сама одним глазом посматривает: не едет ли дед.

А дед на реке ловит да ловит рыбу.

Вот наловил он целую кадушку и поехал домой. Видит: на дороге лисица, слез дед с воза и подошёл к ней, а лисичка-сестричка не шевельнётся, лежит себе будто неживая.¹

– Вот славный подарок жене будет! – обрадовался дед, поднял лисицу, положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисичка-сестричка улучила минутку и стала потихоньку выбрасывать из кадушки рыбку за рыбкой, рыбку за рыбкой – так всю рыбу и выбросила, а затем сама незаметно с саней спрыгнула.

Приехал дед домой.

– Ну, старуха, – говорит жене, – и рыбу тебе привёз, и

¹ Кадушка – то же, что и кадка – посуда цилиндрической формы, сделанная из плотно подогнанных друг к другу деревянных дощечек, скреплённых обручами из металла или дерева.

воротник лисий на шубу.

Старуха обрадовалась, не столько рыбе – рыба не диковинка, – сколько лисьему воротнику.

Спрашивает она деда:

– Где ж ты воротник добыл?

– На дороге нашёл, да ты иди сама посмотри. Там в саях – и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу – ни воротника, ни рыбы.

Начала она бранить мужа:

– Ах ты, посмеяться надо мной решил!

Догадался дед, что лиса его обманула, притворившись мёртвой; погоревал, погоревал, да уж ничего не поделаешь.

«Ладно, – думает, – наперёд осторожнее буду».

«ВОТ СЛАВНЫЙ ПОДАРОК ЖЕНЕ БУДЕТ!»

Лиса же тем временем собрала разбросанную по дороге рыбу, уселась и давай есть. Ест да приговаривает:

– Ай да дедушка, какой вкусной рыбы наловил!

В ту пору мимо голодный волк пробегал, услышал он лисицу, подбежал поближе.

– Здравствуй, лиса!

– Здравствуй, волк!

– Что это ты ешь?

– Рыбку.

– Дай и мне немного.

– А ты поди сам налови и ешь сколько душе угодно.

– Да я не умею.

– Эка невидаль! Ведь я-то наловила... Ты, братец, как стемнеет, иди к реке, сядь и опусти хвост в прорубь. Сиди, жди да приговаривай: «Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая! Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!» – рыба сама на хвост и нацепится. Да смотри, не забудь приговаривать: «Большая и маленькая!» – а то если одна большая наловится, так ты и не вытащишь.

– Спасибо тебе, лиса, за науку.

Дождавшись вечера, пошёл волк на реку, отыскал прорубь, опустил в воду свой хвост и ждёт, когда рыба сама ему на хвост нацепится.

А лисичка-сестричка, съев всю рыбку и отдохнувши как следует после сытного обеда, тоже отправилась на реку – посмотреть, что там волк подделывает.

«ЧТО ЭТО ТЫ ЕШЬ?» – «РЫБКУ»

Пришла она к реке и видит: сидит серый у проруби, опустил свой хвост в воду, замёрз, дрожит весь, от холода зубами стучит. Она и спрашивает волка:

– Ну что, братец, хорош ли улов? Потяни-ка хвост, может, много уж рыбы на него нацепилось.

Вынул волк из воды свой хвост, видит – нет на хвосте ни одной, даже самой маленькой, рыбки.

– С чего бы так? – говорит лисичка. – Да ты, наверное, не говорил то, чему я тебя учила.

– Нет, не говорил...

– Эх, какой ты, братец, беспамятный! А глубоко ли у тебя хвост опущен?

– Глубоко, сестрица.

И вот начал волк говорить:

– Ловись, ловись, рыбка, всё большая, всё большая.

А лисичка в то же время рядом тихонько приговаривает:

– Крепче, крепче, мороз! Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

– Ты что это, лиса, говоришь? – спрашивает волк.

– Да я тебе помогаю... – отвечает лисичка-сестричка, а сама всё: – Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк твердит:

– Ловись, ловись, рыбка, всё большая, всё большая!

А лисичка приговаривает по-своему:

– Крепче, крепче, мороз! Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

– Что ты, сестрица, говоришь?

– Тебе, братец, помогаю: рыбку зазываю...

И снова начинают: волк – про рыбку, а лиса – про волчий хвост.

Только волк захочет свой хвост из проруби вытащить да посмотреть, сколько уже рыбки на нём, лисичка-сестричка отговаривает:

– погоди, братец, ещё рано; мало рыбки наловилось!

И опять начинают каждый своё... А спросит волк: «Не пора ли, сестрица, хвост тащить?» – она ему в ответ: «Посиди ещё, братец, побольше наловишь!»

Так всю ночь и провели: волк сидит, а лисичка-сестричка похаживает вокруг него да хвостом помахивает, дожидается, когда вода в проруби морозом схватится и примёрзнет волчий хвост.

Наконец видит лисичка – утренняя заря занимается, и уж бабы потянулись из деревни на речку за водой; вильнула она хвостом и – прощай! – только её и видели...

А волк и не заметил, как лисичка ушла.

– Ну, не довольно ли, не пора ли уж идти, сестрица? – говорит волк. Осмотрелся – нет лисички; хотел приподняться – не тут-то было! – приморозило его хвост к проруби.

«Вон сколько рыбы привалило, и верно, всё крупная, никак не вытащишь!» – думает волк.

А бабы заметили серого у проруби и закричали:

– Волк, волк! Бейте его, бейте! – Бросились к нему и давай

колотить чем попало: кто ведром, кто коромыслом.

Рвётся волк, а примёрзший хвост его не пускает. Бедняга прыгал, прыгал, видит: делать нечего, не до хвоста уж тут, живым бы уйти. Рванулся он изо всех сил и, оставив чуть не половину хвоста в проруби, пустился бежать без оглядки.

«Ладно, – думает, – уж и отплачу я тебе, сестрица!»

Тем временем лисичка-сестричка захотела попробовать ещё что-нибудь стянуть и отправилась в ближайшее село.

Пронюхала кумушка, что в одной избе хозяйка блины печёт, забралась туда. Отыскала квашню² с опарой³ и решила свежим тестом полакомиться. Полезла головой в квашню, наелась и вся тестом вымазалась. Выскочила из дома и к лесу побежала. А навстречу ей избитый волк:

² Квашня – глиняная посуда или деревянная кадка для приготовления теста.

³ Опара – забродившее и поднявшееся дрожжевое тесто.

«ВОЛК, ВОЛК! БЕЙТЕ ЕГО, БЕЙТЕ!»

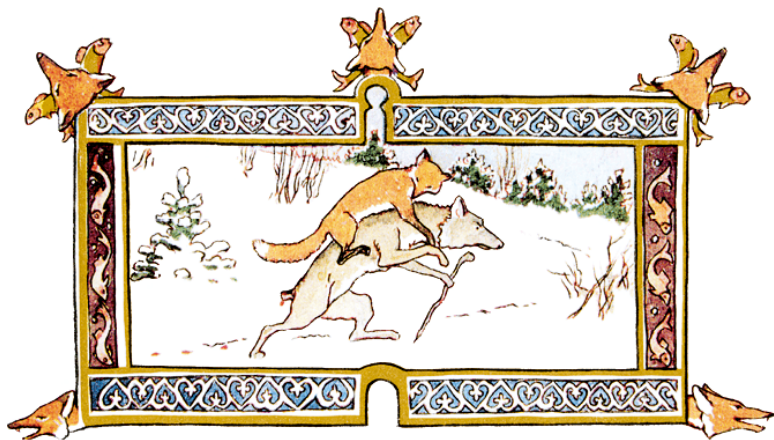
– А, сестрица, чему же ты учишь! Меня всего исколотили, живого места не осталось!

– Эх, братец милый, тебя хоть до крови поколотили, а меня так по голове стукнули, что мозг наружу вышел. Мне-то побольнее твоего: я теперь насилу плетусь, не знаю, жива ли останусь...

Посмотрел на неё волк: в самом деле, голова у лисички вся в тесте вымазана. Поверил он лисе, пожалел её и говорит:

– И то правда, тебе, сестрица, больше досталось. Садись на меня, я тебя до леса доведу.

А лисичке-сестричке только того и надо.

Взобралась она волку на спину, он её и понёс. Вот лисичка сидит да потихоньку приговаривает:

- Битый небитого везёт, битый небитого везёт.
- Что это ты, сестрица, говоришь?
- Я, братец, говорю: битый битого везёт...
- Верно, сестрица, говоришь.

Когда они зашли подальше в лес, лисичка и говорит волку:

- Теперь, братец, давай построим себе избушки.
- И то дело, сестрица.
- Тебе построим ледяную, а мне – лубяную.⁴

Принялись они за работу. Сделали себе избушки: лисич-

⁴ Лубяной – сделанный из луба, то есть из коры, отделённой непосредственно от ствола дерева.

ке – лубяную, а волку – ледяную, и живут в них.

Вот пришла весна, солнышко стало греть сильнее, волчья хатка и растаяла.

Как ни прост был волк, а тут уж не на шутку рассердился.

– Ну, сестрица, – говорит волк, – ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть!

Лисичка-сестричка испугалась, да вида не подала.

– Погоди, братец, давай прежде жребий бросим: кому кого есть.

– Хорошо, – сказал волк, – куда ж мы пойдём жребий бросать?

– Уж прямо пойдём, авось до жребия и дойдём.

Пошли. Лисичка идёт, по сторонам посматривает, а волк следом, спрашивает:

– Скоро ли?

– Да куда ты, братец, торопишься?

– Да хитра ты очень, сестрица; боюсь, опять обманешь.

– Что ты, братец; когда жребий бросают, разве можно обмануть?

– То-то же, смотри!..

Наконец лисичка заметила большую яму и притворилась, что устала.

– Не отдохнуть ли нам?

– Не хочу отдыхать, ты, похоже, опять хитришь! Давай лучше жребий бросать.

А лисичке только того и надо было. Привела она волка к

яме и говорит:

– Прыгай! Если перепрыгнешь через яму – тебе меня есть, а не перепрыгнешь – мне тебя.

Волк прыгнул и попал в яму.

– Ну вот, – сказала лисичка, – тут и сиди! – А сама ушла.

Еле волк из ямы выбрался и зарёкся наперёд с лисицей дело иметь.

Горе

КАЗКА
Горе

Рисовал

Э.Э. Лиснер.

В одной деревушке жили два брата: один бедный, другой богатый.

Богач переехал жить в город, построил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз и куска хлеба не было, а ребяташки – мал мала меньше – плакали да есть просили.

С утра до вечера бьётся мужик как рыба об лёд, а семья всё бедствует. Говорит он как-то жене:

– Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли нам чем?

Пришёл к богатому:

– Ах, братец родимый! Помоги как-нибудь моему горю: жена и дети без хлеба сидят, целыми днями голодают.

– А ты проработай у меня неделю, тогда и помогу!

Что делать, принялся бедный за работу: двор чистил, лошадей холил, воду возил, дрова рубил.

Через неделю дал ему богатый один каравай:

– Вот тебе за труды!

– И за то спасибо! – сказал бедный, поклонился и хотел было домой пойти.

– Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости да жену приводи: ведь завтра мои именины.

– Эх, братец, куда мне? Сам знаешь, к тебе придут богатые купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.

– Не беда, приходи! И тебе будет место.

– Хорошо, братец, приду.

Воротился бедный домой, отдал жене каравай и говорит:

– Слушай, жена! Назавтра нас с тобой в гости звали.

– Как в гости? Кто звал?

– Брат: завтра у него именины.

– Ну что ж, пойдём.

Утром встали и пошли в город. Пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уже много именитых гостей сидело; угощает их всех хозяин на славу, а про бедного брата с его женой и думать забыл; сидят они, смотрят, как другие пьют да едят.

Кончился обед; стали гости из-за стола выходить да хозяина с хозяйшкoй благодарить, и бедный тоже поднялся с лавки и кланяется брату в пояс.

«А ТЫ ПРОРАБОТАЙ У МЕНЯ НЕДЕЛЮ, ТОГДА И

ПОМОГУ!»

Гости поехали домой пьяные, весёлые, шумят, песни поют.

А бедный идёт назад с пустым животом.

– Дай-ка, – говорит жене, – и мы песню споём!

– Эх ты! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?

– Ну, всё-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Я запою, и всякий подумает, что меня тоже на славу угостили...

– Ну пой, если хочешь, я не стану!

Мужик запел песню, и слышатся ему два голоса. Перестал он петь и спрашивает жену:

– Это ты мне подпевала тонким голоском?

– С чего бы это? Я и не думала.

– Так кто же?

– Не знаю! – сказала жена. – А ну, пой, я послушаю.

Он опять запел: поёт-то он один, а слышно два голоса.

Остановился мужик и спрашивает:

– Это ты, Горе, мне петь помогаешь?

Горе отозвалось:

– Да, хозяин! Это я помогаю.

– Ну, Горе, пойдём с нами вместе.

– Пойдём, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

Пришёл мужик домой, а Горе зовёт его в кабак. Тот гово-

рит:

Я. ЛИСНЕРЪ. 1901.

ПРИШЛИ К БОГАТОМУ, ПОЗДРАВИЛИ ЕГО И УСЕ-

ЛИСЬ НА ЛАВКУ

– Да у меня денег нет!

– А на что тебе деньги? Видишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, всё равно носить не будешь!

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало – с похмелья голова болит, и опять зовёт хозяина вина испить.

– Денег нет, – говорит мужик.

– Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу – с нас и довольно!

Не отбиться мужику от Горя. Взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем.

Наутро Горе ещё больше заохало, опять зовёт хозяина в кабак. Месяца не прошло, как мужик всё добро спустил; даже избу свою соседу заложил.

Горе опять пристаёт к нему: пойдём да пойдём в кабак!

– Нет, Горе! Воля твоя, а больше продать нечего.

– Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой продать можно.

Мужик взял сарафан, продал и думает:

«Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит:

«ЭТО ТЫ, ГОРЕ, МНЕ ПЕТЬ ПОМОГАЕШЬ?»

– Хозяин!

– Что, Горе?

– Ступай-ка ты к соседу и попроси у него пару волов с телегою.

Пошёл мужик к соседу.

– Дай, – просит, – на время пару волов с телегою; я на тебя неделю за то проработаю.

– На что тебе?

– В лес за дровами съездить.

– Ну возьми; только много на воз не накладывай.

– Спасибо, кормилец!

Привёл пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

– Хозяин, – спрашивает Горе, – знаешь ли ты на этом поле большой камень?

– Как не знать!

– А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги.

Горе велит мужику поднимать камень. Мужик поднимает, Горе помогает. Подняли, а под камнем яма, доверху золотом наполнена.

– Ну, что глядишь? – сказывает Горе мужику. – Таскай скорей в телегу.

Мужик принялся за работу и насыпал в телегу золото; всё из ямы выбрал до последнего червонца, видит, что уже ничего больше не осталось, а сам и говорит:

– Посмотри-ка, Горе, никак там ещё монетка осталась?

Горе наклонилось:

– Где? Я что-то не вижу!

– Да вон в углу светится!

– Нет, не вижу.

– А ты полезай в яму, так и увидишь.

Горе полезло в яму; только опустилось туда, как мужик и накрыл его камнем.

– Вот так-то лучше будет! – сказал мужик. – Коли взять тебя с собой, так ты, Горе горемычное, опять все эти деньги на ветер пустишь!

Приехал мужик домой, сложил деньги в подвал, волов отвёл к соседу и стал думать, что дальше делать. Купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.⁵

Долго ли, коротко ли – поехал он в город звать брата с женой к себе на именины.

– Вот что выдумал! – сказал ему богатый брат. – У самого есть нечего, а ты ещё именины справляешь!

– Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай – увидишь.

– Ладно, приеду!

⁵ Хоромы – большой и богатый дом.

На другой день богатый брат с женой собрались и поехали на именины. Смотрят, а у бедного-то терем новый, высокий, не у всякого купца такой есть!

Мужик угостил их на славу, накормил разными заморскими кушаньями, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

– Скажи-ка на милость, как это ты так разбогател?

Мужик рассказал ему по совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке всё своё добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завидно стало богатому.

«Дай, – думает, – поеду и я в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе – пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мною своим богатством хвалиться».

Отпустил жену домой, а сам в поле погнал. Подъехал к большому камню, откатил его в сторону и наклонился посмотреть, что там под камнем. Не успел головы нагнуть – а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

– А, – кричит, – ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

«А ТЫ ПОЛЕЗАЙ В ЯМУ, ТАК И УВИДИШЬ»

– Послушай, Горе, – сказал купец, – не я засадил тебя под камень...

– А кто же, как не ты?

– Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришёл, чтоб тебя выпустить.

– Нет, врёшь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко село Горе богатому купцу на шею. Привёз он Горе домой, и пошло у него всё хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за своё принимается; каждый день зовёт купца в кабак; много добра из дома ушло.

«Этак жить нельзя! – думает про себя купец. – Кажется, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да только как?»

Думал, думал и придумал: пошёл на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца во втулку. Приходит к Горю:⁶

– Что это ты, Горе, всё на боку лежишь?

– А что ж мне ещё делать?

– Что делать? Пойдём на двор в прятки играть.

А Горе и радо. Вышли на двор. Сначала купец спрятался – Горе его сразу нашло. Пришёл черёд Горю прятаться.

⁶ Втулка – часть колеса, расположенная в его центре, представляет собой короткую пустую внутри трубку.

КУПЕЦ ПОДНЯЛ КОЛЕСО И ЗАБРОСИЛ ЕГО ВМЕСТЕ С ГОРЕМ В РЕКУ

– Ну, – говорит оно, – меня ты не скоро найдёшь! Я в любую щель забьюсь!

– Куда тебе! – отвечает купец. – Ты в это колесо не влезешь, а то – в щель!

– В колесо не влезу? Смотри-ка, ещё как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил во втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку.

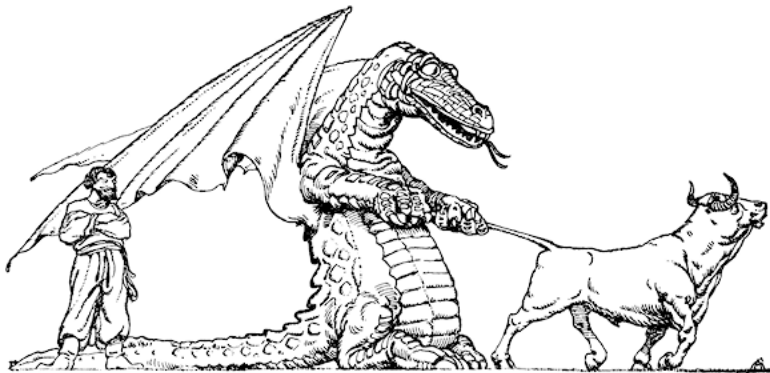

Змей и цыган

Змѣй
и
Цыганъ

Давно это было. Повадился в одну деревню змей прилетать да людей есть. Всех извёл злодей, только в последней избе на краю деревни один старичок остался.

Шёл в ту пору мимо цыган, и решил он на ночлег к добрым людям попроситься. Да только в какую избу ни заглянет – нет никого. Прошёл так всю деревню – никого не нашёл. Заглянул он наконец в последнюю покосившуюся избу, видит: сидит там древний дедушка и горько плачет.

– Ты зачем сюда пришёл, цыган? – спрашивает старик. – Видно, жить тебе надоело?

– А что у вас здесь случилось, отец?

– Да, сынок, повадился сюда змей летать: всех поел, а завтра прилетит – меня погубит, и тебе несдобровать. Разом обоих съест...

Только не испугался цыган.

– Это мы ещё посмотрим, – отвечает. – Ляжем-ка мы спать: утро вечера мудренее.

Как только утро наступило, загремел гром, затряслась изба, деревья к земле склонились. Прилетел змей, огляделся и говорит:

– Повезло мне сегодня. Оставил я одного человека, а нашёл двух – будет чем позавтракать.

– Да ты никак съесть меня захотел? – спрашивает цыган.

– Точно, как раз сейчас и съем, – отвечает змей.

– Экий ты скорый, не поймал селезня, а уж общипать собрался! А сил-то у тебя хватит со мной справиться?

– Справлюсь, я-то наверняка посильнее тебя буду.

Взял змей жёрнов и говорит:

– Смотри: я этот камень одной лапой раздавлю.

Стиснул он жёрнов – и тот в песок рассыпался, только искры полетели.

– Нашёл чем удивить! – говорит цыган. – А ты попробуй так сжать камень, чтобы из него вода потекла.

Взял с полки мешочек с творогом, сдавил его – потекла на землю сыворotka. Удивился змей.

– Видишь теперь, у кого силы больше? – спрашивает цыган.

– Правда твоя, – отвечает змей, – рука у тебя сильнее. А вот попробуем-ка, кто громче свистнет.

– Ну, свисти первым.

«А ЧТО У ВАС ЗДЕСЬ СЛУЧИЛОСЬ, ОТЕЦ?»

Змей свистнул – со всех деревьев листья посыпались.

– Хорошо ты, брат, свистишь, – говорит цыган, – а только до меня тебе далеко. Завяжи-ка ты себе сначала глаза, а то я как свистну, тут они у тебя на лоб и полезут.

Послушал змей цыгана, завязал платком глаза.

Цыган недолго думая взял дубину покрепче и потяжелее да как стукнет змея по голове. Тот от боли во всё горло закричал:

– Полно, полно, брат цыган! Не могу я твой свист богатырский вытерпеть! Хватит нам с тобой бороться, давай дружно жить.

– Да как же нам дружно жить, коли ты съест меня обещал?

– Не стану я тебя есть. Тут неподалёку стадо волов пасётся, выберем себе по волу. Вот и поедем.

Пошли они в степь. Начал цыган волов ловить да друг к дружке за хвосты связывать. Змей ждал-ждал, не выдержал и спрашивает:

– Что это ты делаешь?

– А я навяжу штук пятьдесят да за один раз и поволоку всех домой, чтоб надолго мяса хватило!

– Экий ты! – говорит змей. – Что ж нам, век здесь вековать – хватит и одного вола.

Э. ЛИСНЕРЪ 1913.

«СМОТРИ: Я ЭТОТ КАМЕНЬ ОДНОЙ ЛАПОЙ РАЗ-
ДАВЛЮ»

Ухватил змей самого жирного вола за хвост, сдёрнул с него шкуру, взвалил шкуру с мясом на плечи и потащил.

Наложили они два котла мяса, а воды нет.

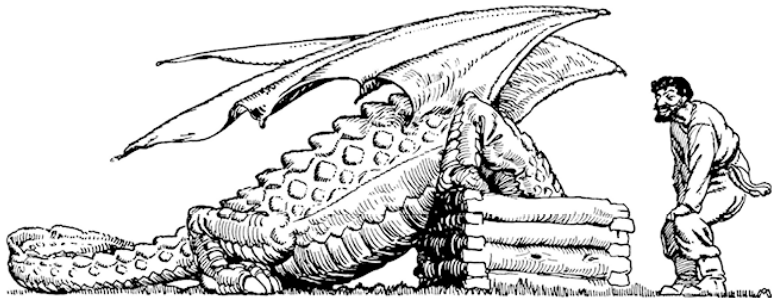
– Вот тебе воловья шкура, – говорит змей, – набери в неё воды и принеси сюда.

Потащил цыган к колодцу воловью шкуру; еле-еле пустую донёс. Взял он лопату и давай колодец кругом окапывать. Змей ждал-ждал – не дождался, побежал посмотреть, куда цыган подевался.

– Что это ты делаешь?

– Да вот хочу колодец кругом окопать и поближе перетащить, чтобы не нужно было далеко за водой ходить.

– Экий ты затейник, так мы совсем без еды останемся, – сказал змей, набрал полную шкуру воды и сам понёс.

9-ЛИСНЕРЪ

ЦЫГАН НЕДОЛГО ДУМАЯ ВЗЯЛ ДУБИНУ ПОКРЕПЧЕ И ПОТЯЖЕЛЕЕ ДА КАК СТУКНЕТ ЗМЕЯ ПО ГОЛОВЕ

Есть мясо и вода, да дров поблизости нет. Говорит змей цыгану:

– Сходи, брат, в лес, возьми сухой дуб и приволоки сюда.

Пошёл цыган в лес, начал там лыко драть, верёвки вить да песенку насвистывать.⁷

Ждал-ждал змей – не дождался, опять бежит к цыгану.

– Что это ты здесь делаешь?

– Да вот хочу сразу дубов двадцать зацепить верёвкой и тащить, чтобы нам с тобой надолго дров хватило.

– Экий ты, право, всё по-своему делаешь.

Вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

Наварил змей мяса и зовёт цыгана обедать, а цыган притворился, что обиделся на змея, и говорит:

– Не хочу!

Пообедал змей, съел один целого вола и стал цыгана спрашивать:

– Скажи-ка, брат, за что ты на меня сердишься?

– А за то, что всё, что я ни сделаю, – всё не так, всё не по-твоему.

– Ну, не сердись, давай мириться.

⁷ Лыко – волокнистая кора молодых лиственных деревьев, преимущественно липы.

© Л. ИССИЕРЪ

НАЧАЛ ЦЫГАН ВОЛОВ ЛОВИТЬ ДА ДРУГ К ДРУЖКЕ ЗА ХВОСТЫ СВЯЗЫВАТЬ

– Если хочешь со мной мириться, – говорит цыган, – пойдём ко мне в гости.

Достал змей повозку, запряг тройку самых лучших коней, и поехали они вдвоём в цыганский табор.

Как стали подъезжать, цыганята увидели отца, бегут к нему навстречу, голые, чёрные, да во всё горло кричат:

– Батька приехал! Змея привёз!

Испугался змей и спрашивает:

– Это кто такие, почему кричат?

– А это мои дети, – отвечает цыган, – эх, боюсь, что голодные они. Как бы тебя съесть не захотели.

Змей как это услышал, испугался – прыг с повозки да бежать! А повозка с лошадьми так у цыгана и остались.

Е. ДИССОНЕР

«БАТЬКА ПРИЕХАЛ! ЗМЕЯ ПРИВЁЗ!»

Деревянный орёл

Заспорил раз столяр с золотых дел мастером, чьё ремесло почётнее, полезнее и выгоднее. Каждый на своём стоит, кричат что есть мочи, того и гляди, дело до драки дойдёт. Наконец сказал столяр: «Пойдём к царю: как царь-батюшка рассудит, так тому и быть». Согласился золотых дел мастер, и оба направились во дворец. А царю в ту пору некогда было. Отослал он спорщиков к царевичу.

Явились они к царскому сыну и попросили:

– Так и так, государь, яви божескую милость, рассуди нас по правде.

– Вот что, ребята, – ответил им царевич, – сработайте мне по диковинке: один – из золота, а другой – из дерева. Кто сильнее меня удивит, тот и прав будет.

Пошли столяр с золотых дел мастером по домам, и начал каждый мастерить по своему ремеслу такую вещь, чтобы перед царевичем в грязь лицом не ударить.

Через месяц оба опять явились во дворец.

– Покажите-ка, что сработали, – сказал царевич.

Золотых дел мастер поставил на стол ящичек из красного дерева и попросил:

– Пусть принесут мне сюда чан с водой.

Принесли воды. Открыл мастер ящичек и вынул оттуда трёх золотых лебедей: лебеди сами как жар горят, а сделаны на диво, пёрышко к пёрышку.

– Экая диковинка! – восхитился царевич.

– Погоди, государь, то ли ещё будет!

Пустил мастер этих лебедей на воду в чан, а они начали плавать да нырять, точно живые. Похвалил царский сын умельца за искусную работу и пообещал:

– Без награды тебя не оставлю.

Мастер поблагодарил царевича и отошёл в сторону.

А царевич обернулся к столяру:

– Ну, теперь твой черёд. Чем ты меня удивишь?

Столяр положил на стол мешок, развязал его и высыпал оттуда целый ворох дощечек да клиньев.

– Не обессудь, твоя царская милость, что сумел, то и сработал.

Нахмурился царевич:

– Да ты, похоже, посмеяться надо мной решил?

– Никак нет. Смотри, государь, что дальше будет.

Принялся столяр складывать свои дощечки и клинья, и вышел у него деревянный орёл, огромный-преогромный, сделан на загляденье. Того и гляди, крыльями взмахнёт. Закончил столяр и сказал:

– А теперь, царевич, не угодно ли тебе покататься на моей птичке?

– Да разве такое возможно? – изумился царский сын.

– Для того она и сделана, – ответил столяр, а сам птицу за клюв придерживает.

– Да ты, часом, не колдун ли какой? – спросил царевич.

– Помилуй, государь, какое здесь колдовство! Эта птица –

моих рук дело, а я человек крещёный.

– Лучше уж ты сперва сам покатайся на этом орле, а я посмотрю да управлять им поучусь.

Сел столяр на орла, а тот крыльями замахал, взлетел и стал кружить по царским палатам, а затем взвился под самый потолок. Смотрит царевич, глазам не верит. Попросил он столяра:

– А теперь меня на этой диковине летать научи.

Опустилась на пол деревянная птица, слез с неё столяр и стал царевича учить, как орлом с помощью специального рычажка управлять. Царевич эту науку быстро постиг и сказал:

– Спасибо за подарок, будь теперь у меня придворным столяром.

Тут же и жалованье ему большое положил. Так и остался столяр при царевиче первым человеком, а золотых дел мастер на второе место отошёл.

По соседству с тем царством было другое, правил в нём богатый король, а у него была дочь, красавица писаная. Жила она в высоком терему за железными решётками с крепкими запорами. Только и допускали к ней в терем, что мать родную да няньку старую. Строгий человек был старый король, всё боялся, как бы дочь чего худого не увидала и не услышала.

Узнал царевич, что у соседнего короля дочь сказочной красоты, и захотел её повидать. Собрался он в дорогу, сложил вещи в мешок, сел на деревянного орла, повернул спе-

циальный рычажок и полетел. Летел, летел, наконец увидел вдали терем королевы. Пока долетел, ночь настала и в окне огонёк засветился. Подлетел царевич к окну и увидел за решёткой королеву-красавицу. Вынул прутья из решётки, окно отворил и вошёл в терем. Испугалась королева и спрашивает:

– Кто ты такой, добрый молодец?

– Я – царский сын, прилетел издалека, чтоб тебя увидеть.

Много толкуют в народе про твою красоту, да только ты ещё краше, чем люди рассказывают.

– Как же ты сюда попал?

ЛЕТЕЛ, ЛЕТЕЛ, НАКОНЕЦ УВИДАЛ ВДАЛИ ТЕРЕМ

КОРОЛЕВНЫ

Царевич орла своего красавице показал, затем разобрал его, дощечки да клинышки в мешок спрятал и начал с царевной разговоры разговаривать. Не заметила девушка, как и ночь прошла. Постучалась нянька поутру в дверь: «Королевна, вставать пора!» Тут царевич попрощался, орла собрал, сел на него и улетел из терема.

С тех пор стал царевич каждый вечер летать в терем: полюбилась ему прекрасная королевна, да и он ей по сердцу пришёлся.

Дивится нянька: с чего это каждую ночь в тереме допоздна свет не гаснет? Раз подкралась она к двери и стала слушать. Слышит – кто-то с королевной разговаривает. Заглянула в замочную скважину и увидела царевича. Подкосились ноги у старушки, чуть на месте не упала. На другой день рано-рано пошла она к королеве и рассказала ей, что видела, а королева мужу передала.

Пришли король с королевой к дочери и стали её спрашивать. Королевна рассказала всё как есть, одного не могла сказать: из какого царства-государства был царевич. Она и сама того не знала.

Созвал король своих вельмож, объявил им, как было дело, и спрашивает:

– Как изловить мне этого молодца?

Встал один вельможа и сказал:

– Государь! Я знаю средство. Прикажи приготовить такой состав, чтоб всякая вещь к нему прилипала. Пусть им вымажут окно в королевском тереме, через которое тот молодец летает. Как положит он свою епанчу на окно, так она сразу и прилипнет. А по одежде мы его быстро найдём.⁸

⁸ Епанча – старинная верхняя одежда без рукавов в виде широкого плаща.

«Я – ЦАРСКИЙ СЫН, ПРИЛЕТЕЛ ИЗДАЛЕКА, ЧТОБ

ТЕБЯ УВИДЕТЬ»

Сказано – сделано. Ночью прилетел царевич, бросил на подоконник епанчу, она и прилипла. Рванул он её – полу оторвал.

Тут догадался царевич, что его поймать хотят, и сказал:
– Прощай, прекрасная королева, не поминай лихом! Бог весть, когда увидимся.

Сел на орла и полетел домой.

На другой день принесли королю полу епанчи; он велел разрезать её на мелкие кусочки и разослать их по всему королевству в суконные лавки, со строгим наказом: если кто будет спрашивать у продавца такую материю, того сейчас же схватить и тащить к королю.

Вернулся царевич домой и позвал слугу:

– Со мной беда случилась: шёл я ночью по улице, откуда ни возмись собаки выскочили, напали на меня и оторвали полу у епанчи. Купи такой же материи и отдай портному, чтобы он полу починил.

Искал слуга по всем лавкам, нигде не смог найти нужную материю. Наконец в одной лавке ему сказали:

– Это материя заграничная, её из соседнего королевства к нам привозят.

Вернулся слуга, доложил всё царевичу. Тот не стал времени тратить, сел на своего орла и полетел за материей.

Проходит день, и два, и неделя, а царевича всё нет. Слуга

не знает, что и подумать. Наконец решился обо всём царю доложить. Пошёл и доложил.

– Кто царевичу такого орла сделал? – спросил царь.

А слуга и говорит:

– Наш придворный столяр.

Царь тотчас велел столяра в тюрьму посадить и держать там, пока царевич не вернётся. А золотых дел мастер на столяра за свой проигрыш обижен был, явился он к царю и сказал:

– Государь-царь, батюшка! Этот столяр – колдун и первый в свете обманщик.

Царь поверил и приказал столяра на всю жизнь в тюрьме оставить.

А с царевичем тем временем вот что случилось. Прилетел он в соседнее королевство, спустился в город и сейчас же в лавку отправился; показал образчик материи и попросил себе такой же. Тут его схватили и к королю отвели. Стал король молодца допрашивать: «Кто такой? Зачем явился и откуда?»

Царевич назвался купеческим сыном. А царь спрашивает: «Что это у тебя в мешке?» – «Это аршины да полуаршины – в нашем деле вещь нужная». Не поверили царевичу и посадили его в тюрьму. Сидит он день, сидит другой, сидит неделю – всё не выпускают. Видит царевич, что дело плохо, и решился на хитрость пойти. Позвал главного тюремщика и сказал:⁹

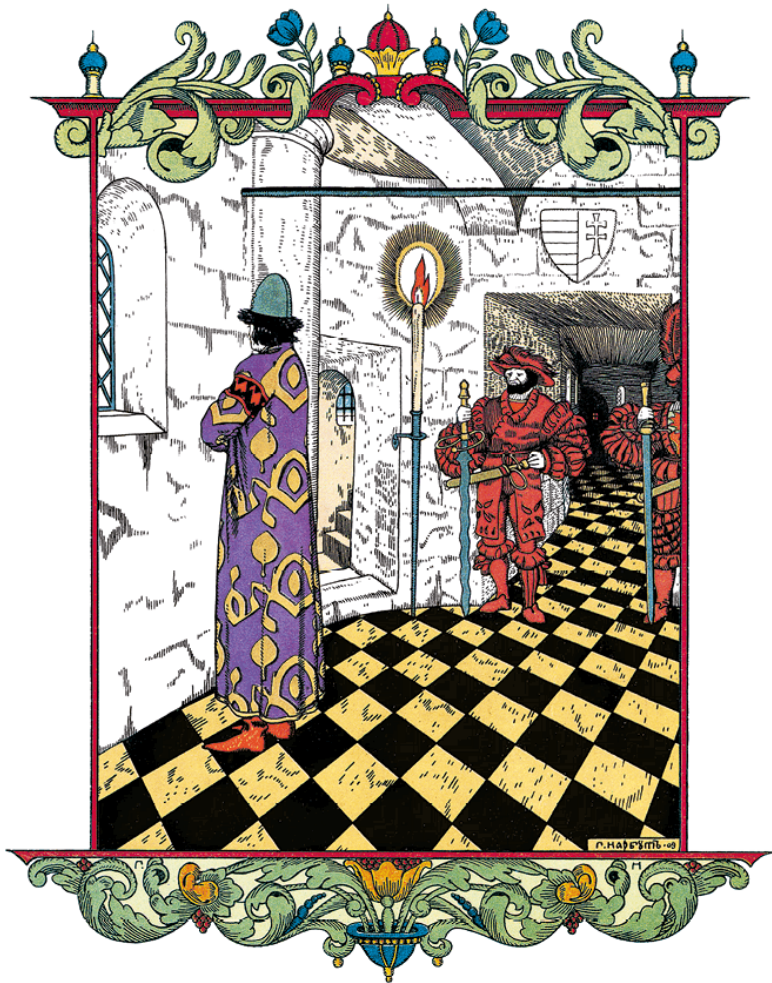
⁹ Аршин – устаревшая мера длины (около 71 сантиметра) и измерительный

– Я не купеческий сын, я так со страху себя назвал, на самом деле я – мастер фокусы показывать. Для того клинья с дощечками мне и нужны.

Стал тюремщик его просить показать свои фокусы.

– Пожалуй, покажу, – согласился царевич, – только пусть дадут мне просторную комнату с широкими окнами, а то здесь темно и тесно.

Тюремщик призадумался: и фокусы посмотреть хочется, и боится, что арестант сбежит. Подумал немного и всё-таки согласился. Отвели царевича под стражей в просторную комнату и двери в ней заперли. Высыпал царевич из мешка клинья да дощечки, сложил своего орла, сел на него и говорит:

«Я – МАСТЕР ФОКУСЫ ПОКАЗЫВАТЬ»

– Прощайте, братцы! Счастливо оставаться!

Только его и видели.

Прилетел царевич домой, увидел слугу и спрашивает:

– Ну, что тут у вас без меня делается?

Слуга обрадовался при виде царевича и рассказал всё, что без него случилось. Обрадовался и царь, как увидел сына живым и невредимым, на радостях пир на весь мир устроил.

Пируют гости, радуются; один царевич грустит.

– Что ты, сын любезный, не весел сидишь? – спросил царь.

– Думаю я день и ночь, – ответил царевич, – о красной девице, соседнего короля дочери. Хотелось бы мне, государь мой батюшка, на ней жениться.

– А на то, – ответил царь, – твоя добрая воля да моё родительское благословение.

– Другая дума моя – как бы столяра-умельца из тюрьмы выпустить.

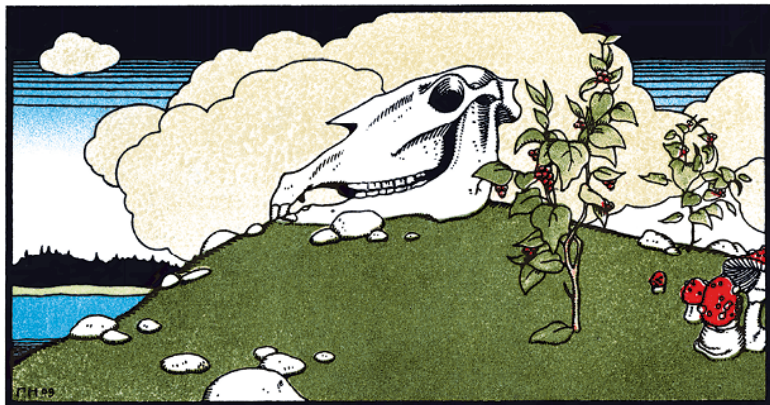
– И на это я согласен, только с одним уговором: чтобы он впредь таких птиц не делал.

Послали сватов в соседнее царство, и вскорости женился царевич на прекрасной королевне. Богатую свадьбу сыграли. И столяра на неё позвали, только чудесных птиц он больше не делал. Так и пропал навсегда его секрет, как из дерева летающих орлов мастерить.

Теремок

СКАЗКИ:
**ТЕРЕМОКЪ
МИЗГИРЪ**
РИС. ГЕОРГИЯ НАБУПЪ

ТЕРЕМОКЪ

Лежит в поле лошадиная голова.

Прибежала мышка-норушка и спрашивает: «Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» Никто не отзывается. Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове.

Пришла лягушка-квакушка: «Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» – «Я, мышка-норушка; а ты кто?» – «А я лягушка-квакушка». – «Ступай ко мне жить». Вошла лягушка, и

стали себе вдвоём жить.

Прибежал заяц: «Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» – «Я, мышка-норушка, да лягушка-квакушка; а ты кто?» – «А я на горе увёртыш». – «Ступай к нам». Стали они втроём жить.

Прибежала лисица: «Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» – «Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш; а ты кто?» – «А я везде посकोкиш». – «Иди к нам». Стали четверо жить.

Пришёл волк: «Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» – «Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде посकोкиш; а ты кто?» – «А я из-за кустов хватыш». –

«Иди к нам». Стали пятеро жить.

Вот приходит к ним медведь: «Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» – «Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде посकोкиш, из-за кустов хватыш». – «А я всех вас давишь!» – сел на голову и раздавил всех.

«ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК! КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЁТ?»

«А Я ВСЕХ ВАС ДАВИШЬ!»

Мизгирь

Было это в стародавние времена. Пришла весна-красна, лето тёплое. Стало всюду жарко да душно. Случилась в мире напасть – появилось везде великое множество комаров да мошек. Начали они людей да зверей кусать, горячую кровь пускать.

Пришёл в те края паук-мизгирь, удалой добрый молодец.

Стал он ножками трясти да мерёжки плести, ставить их на пути, на дорожке, где летают комары да мошки. Муха пролетала, к мизгирю в сеть и попала. Стал её мизгирь губить, за горло давить. Тут муха и взмолилась:¹⁰

– Батюшка мизгирь, не бей, не губи ты меня: у меня останется много детей-сирот, будут они по дворам ходить да подаяние просить.

Пожалел её мизгирь и отпустил. Она полетела, всем комарам да мошкам весть принесла:

– Ой вы, комары да мошки, спрячьтесь вы скорей под деревом осиной! Появился в наших краях мизгирь, стал ножками трясти, мерёжки плести, ставить их на пути, на дорожке, где летают комары да мошки.

Полетели они все, забились под кору осиновую, лежат – ни живы ни мертвы. Мизгирь нашёл сверчка, таракана и лесного клопа, которые спрятаться не успели, да и говорит им:

– Ты, сверчок, сядь на сучок – курить табачок; а ты, таракан, ударь в барабан. А ты, клоп – плоский лоб, пойди к осине, расскажи, что меня, мизгиря-удальца, добра молодца, и в живых-то нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху ту пополам раскололи.

Сверчок сел на сучок курить табачок, таракан ударил в барабан, а клоп – плоский лоб пошёл к осине и говорит:

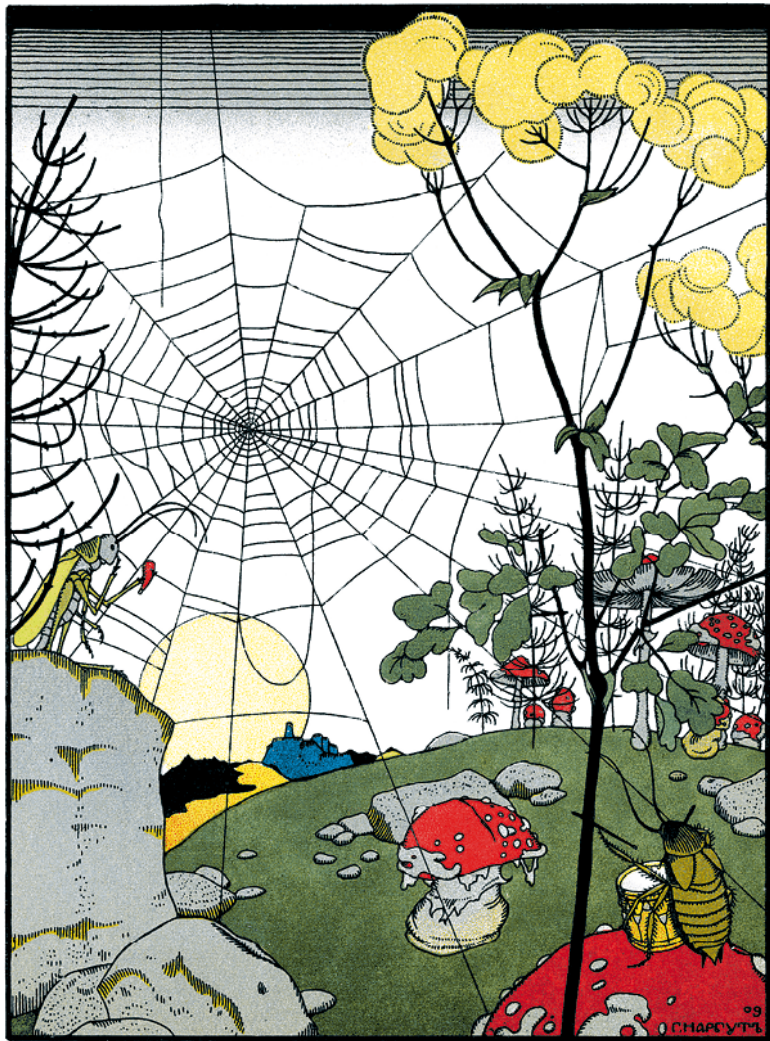
– Что попрятались, лежите ни живы ни мертвы? Ведь мизгиря-удальца, добра молодца, и в живых-то нет: его в Казань

¹⁰ Мерёжка (мерёжа) – рыболовная снасть.

отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху ту пополам раскололи.

Комары да мошки обрадовались и развеселились, в разные стороны залетали да к мизгирю в сети попали. Он им и говорит:

– Вы бы почаще ко мне в гости бывали!

СВЕРЧОК СЕЛ НА СУЧОК КУРИТЬ ТАБАЧОК, ТАРА-
КАН УДАРИЛ В БАРАБАН

Журавль и Цапля

I
ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

II
МЕДВЕДЬ

РИСУНКИ ГЕОРГИЯ НАРБУТЪ

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

«Жили-были Журавль да Цапля, накосили стожок сенца, поставили посередь польца.¹¹ Не начать ли нам сказку опять с конца?» – «Начни». – «Ты: начни, я: начни. Жили-были Журавль да Цапля, накосили стожок сенца, поставили посередь польца. Не начать ли нам сказку опять с конца?»

¹¹ Польцо – то же, что и поле.

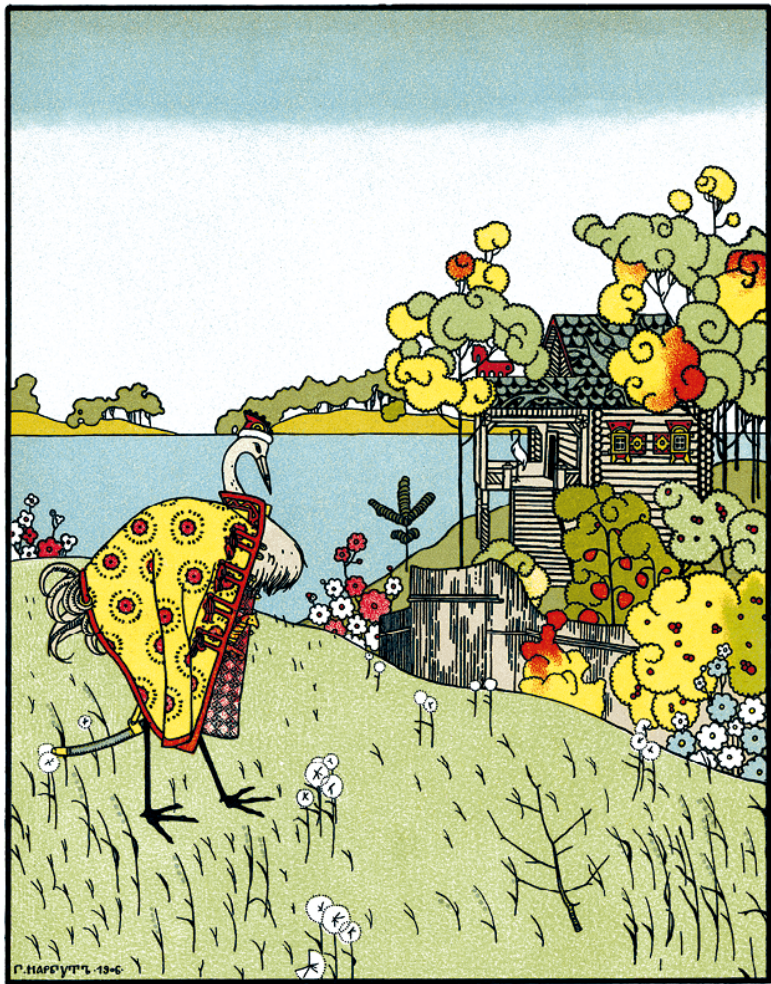
И правда, жили-были Журавль да Цапля. Жили они на одном болоте, да в разных концах. Наскучило Журавлю холостое житьё, и решил он: «Пойду-ка я к Цапле посватаюсь: чем не жена будет!»

Пошёл Журавль к Цапле: тят-ляп, тят-ляп, семь вёрст болото месил. «Здравствуй,¹² Цапля». – «Здравствуй, Журавль». – «Выходи, Цапля, за меня замуж». – «Ишь ты, чего захотел! У тебя ноги длинные, платье короткое, летаешь ты плохо, жену прокормить не сможешь. Уходи от меня, долговязый!» Обиделся Журавль на такие слова и ушёл.

Как ушёл он, Цапля задумалась: «Эх, может, напрасно я Журавля прогнала? Где уж нынче женихов хороших выбирать! Пойду скажу ему, что согласна». Пришла, стучит в двери к Журавлю: «Журавль, а Журавль!» – «Чего тебе?» – «Ну ладно, так и быть, пойду я за тебя замуж». – «Уходи, откуда пришла!» Заплакала со стыда Цапля и воротилась домой.

Журавль, как остался один, стал думать: «Зачем это я так на Цаплю рассердился? Ну, отказала сперва, так ведь потом сама пришла. Да и скучно одному жить! Пойду возьму Цаплю в жёны». Пришёл и говорит: «Цапля, я к тебе: иди за меня замуж». – «Нет, Журавль, ты меня осрамил. Не пойду теперь за тебя». Вернулся Журавль домой несолоно хлебавши.

¹² Верста – старая русская мера длины, равная примерно 1 километру.

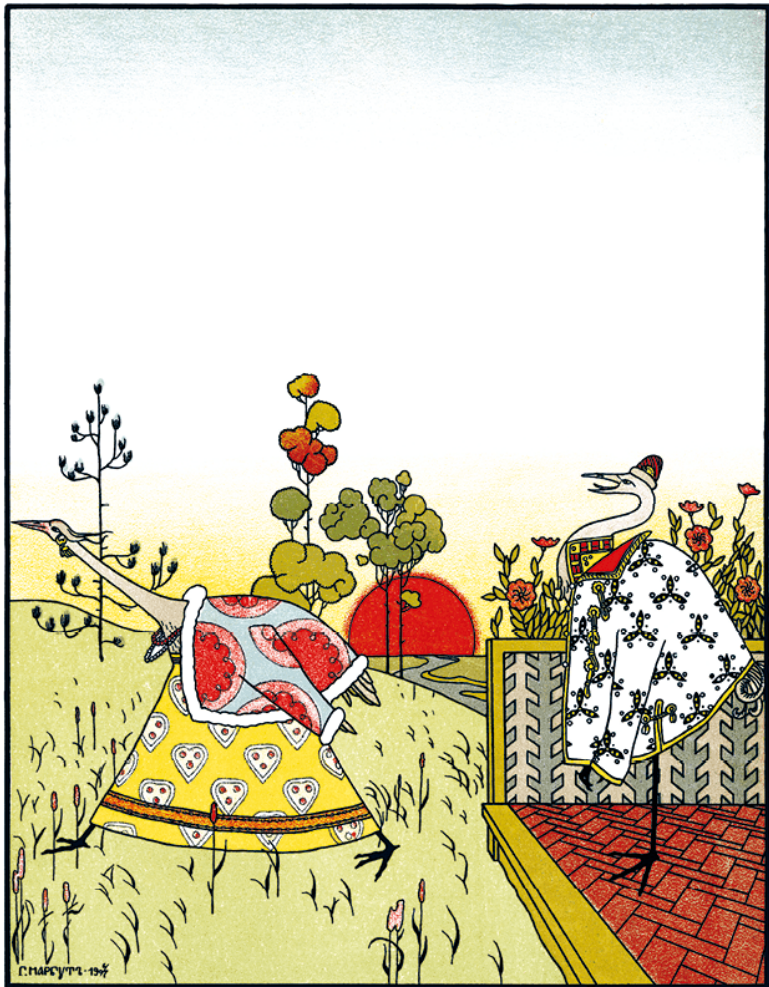

«ПОЙДУ-КА Я К ЦАПЛЕ ПОСВАТАЮСЬ: ЧЕМ НЕ

ЖЕНА БУДЕТ!»

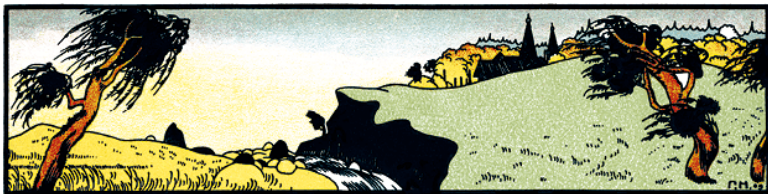
А Цапля опять задумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за Журавля». Приходит к Журавлю – Журавль не хочет, прогнал Цаплю. Прогнал, да потом одумался. Идёт к Цапле – снова Цапля не хочет.

Так они по сей день и ходят один к другому свататься, да только всё никак не поженятся.

«УХОДИ, ОТКУДА ПРИШЛА!»

Медведь

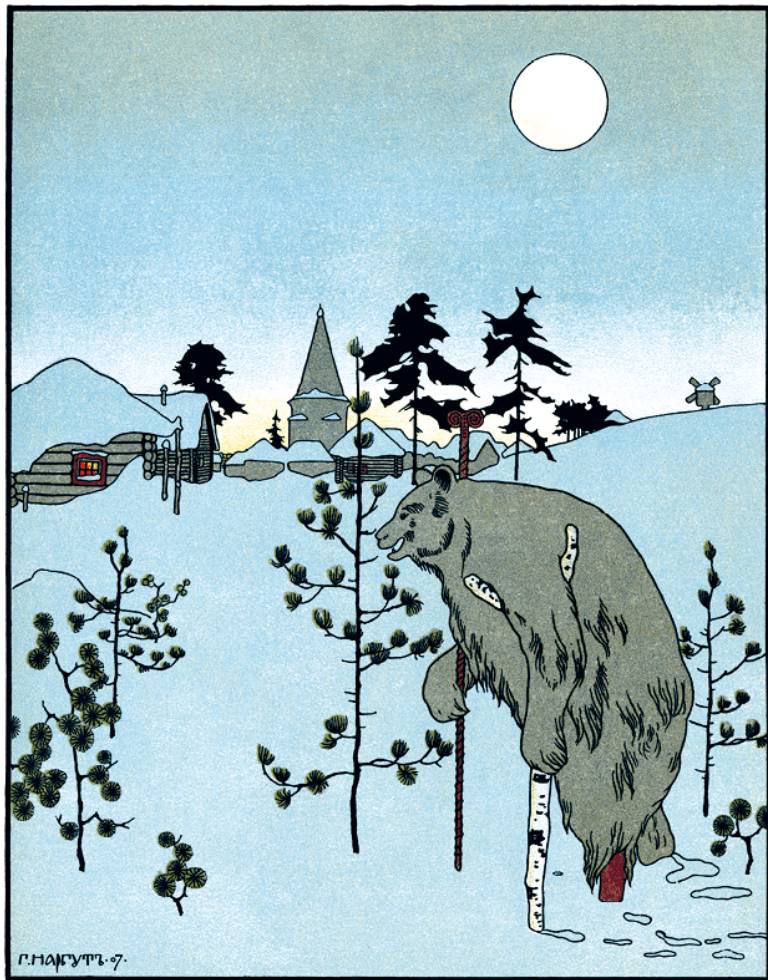

МЕДВЕДЬ

Делали крестьяне облаву на медведя. Убить не убили, а только отрубили ему топором лапу. А сам мишка на трёх ногах в лес ускакал. Отдали ту лапу одной бедной старухе. Она состригла с неё шерсть и сняла шкуру. Мясо положила в чугунок и поставила в печь вариться, шкуру постелила на лавку и села на неё прядь медвежью шерсть.

Вот она прядла, прядла – допрядла до полуночи. Вдруг слышит, кто-то под окном кряхтит и скрипит. Выглянула стару-

ха в окно и обмерла от страху: идёт по улице медведь. Вместо отрубленной ноги деревяшку приладил, на клюку опирается, идёт и поёт:

ВЫГЛЯНУЛА СТАРУХА В ОКНО И ОБМЕРЛА ОТ СТРАХУ: ИДЁТ ПО УЛИЦЕ МЕДВЕДЬ

Скирлы, скирлы!
На липовой ноге,
На берёзовой клюке,
На железном костыле.

И земля-то спит,
И вода-то спит;
Все по сёлам спят,
Одна баба не спит,

На моей шкуре сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мясо варит,
Мою шкуру сушит.

Скирлы, скирлы!
На липовой ноге,
На берёзовой клюке,
На железном батогe!

Скирлы, скирлы!

Сильно испугалась старуха. Жила она одна-одинёшенька в избе на самом краю села. Кругом поле, за полем лес; соседние избы далеко, на помощь позвать некого.

Что делать? Как от медведя уйти? А мишка уже на крыль-

цо взбирается, в сенях деревяшкой постукивает, сердито ре-
вёт.

Отперла тогда старуха погреб, задула огонь, а сама на печь
залезла.

Нащупал медведь дверь, сорвал с петель, вломился в из-
бу, стал шарить впотьмах, старуху искать, да в погреб и про-
валился.

Старуха проворно спрыгнула с печи, захлопнула крышку
погреба и побежала соседей звать. Пришли соседи, кто с ви-
лами, кто с топором, а кто и просто с колом, и изловили мед-
ведя.

Как мыши kota хоронили

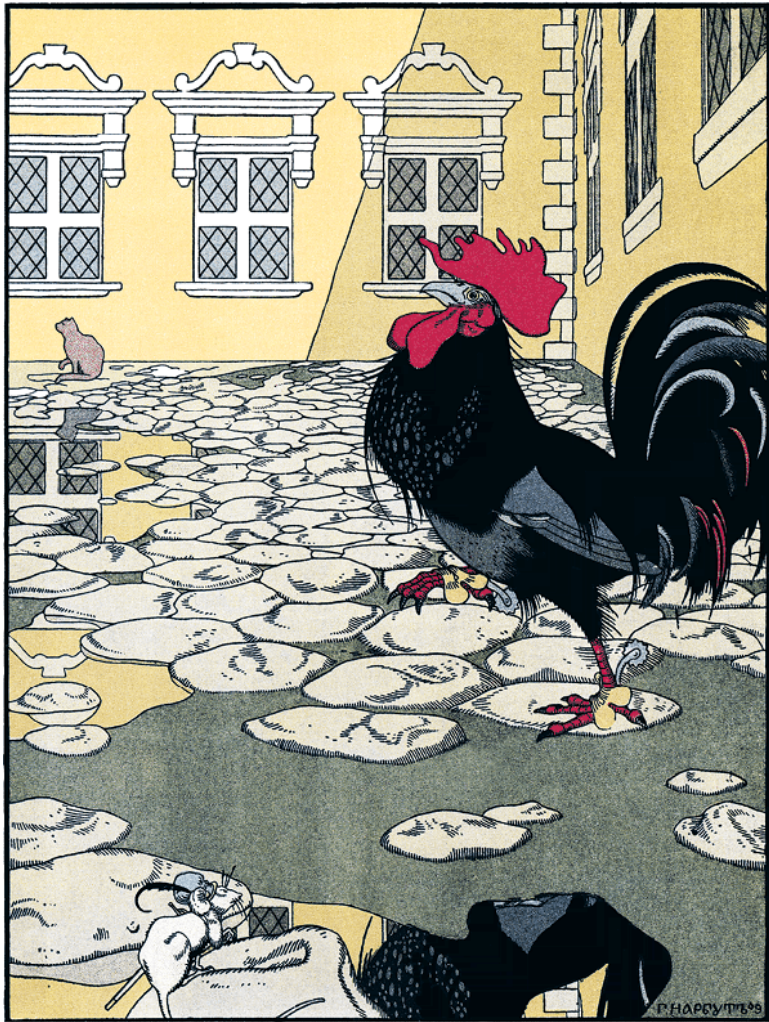

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ СОЧ. В.ЖУКОВСКАГО РИС.Г.НАРБУТЬ

Кошачий род давно враждует с мышиним. Но этот хитрый котище Федот Мурлыка для нас наказание Божие. Вот как я с ним познакомился. Глупым мышонком был я ещё и не знал ничего. И мне захотелось высунуть нос из подполья. Но мать-царица Прасковья с крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили норку мою покидать; но я не послушался, в щёлку выглянул: вижу камнем выстланный двор; освещало солнце его, и окна огромного дома светились; птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.

Выйти не смея, смотрю я из щёлки и вижу, на дальнем крае двора зверёк усатый, сизая шкурка, розовый нос, зелёные глазки, пушистые уши, тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка, так и виляет. Потом он своею бархатной лапкой начал усастое рыльце себе умывать. Облился радостью сердце моё, и я уж собирался покинуть щёлку, чтоб с милым зверьком познакомиться. Вдруг зашумело что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер. Какой-то страш-

ный урод ко мне подходил; широко шагая, чёрные ноги свои подымал он, и когти кривые с острыми шпорами были на них; на уродливой шее длинные косы висели змеями; нос крючковатый; под носом трясся какой-то мохнатый мешок, и как будто красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись, по носу бился, а сзади какие-то длинные крючья, разного цвета, торчали снопом. Не успел я от страха в память прийти, как с обоих боков поднялись у уroda словно как парусы, начали хлопать, и он, раздвоивши острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню. Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною, так и ахнул. «Тебя помиловал Бог, – он сказал мне, – свечку ты должен поставить уроду, который так кстати криком своим тебя испугал; ведь это наш добрый сторож петух; он горлан и с своими большой забияка; нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он, знаем мы все, что проснулись наши враги; а приятель, так обольстивший тебя своей лицемерною харей, был не иной кто, как наш злодей записной, объедало кот Мурлыка; хорош бы ты был, когда бы с знакомством к этому плуту подъехал: тебя б он порядком погладил бархатной лапкой своею; будь же вперёд осторожен».

«ВЕДЬ ЭТО НАШ ДОБРЫЙ СТОРОЖ ПЕТУХ»

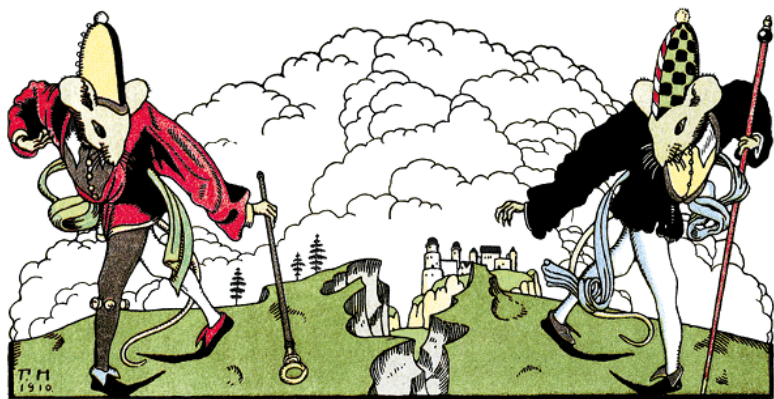
Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке; каждый день от него у нас недочёт. Расскажу я только то, что случилось недавно. Разнёсся в подполье слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами видели это глазами своими. Вскружилось подполье; шум, беготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, – словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый с радости так напился, что подрался с царицей и в драке хвост у неё откусил, за что был и высечен больно. Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный Клим, по прозвищу Бешеный Хвост; такое прозвание дали ему за то, что, стихи читая, всегда он в меру вилял хвостом, и хвост, как маятник, стучал. Всё изготовив, отправились мы на поминки к Мурлыке; вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду кот Мурлыка в ветчинне висит на бревне, и повешен за ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка,¹³ вытянут весь; и спина, и хвост, и передние лапы словно как мёрзлые; оба глаза глядят не моргая. Все запищали мы хором: «Повешен Мурлыка, повешен кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем нынче и мы». И шесть смельчаков тотчас взобрались вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы сами держались, когтями вцепившись в

¹³ Ветчиння (или ветчинница) – коптильня, помещение, где коптят ветчину.

бревню; а верёвки не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались в страхе и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит, ус не тронется, глаз не моргнёт; мертвец, да и только. Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу начали; кто посмелее, тот дёрнет за хвост, да и тягу даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит сзади его языком; а кто ещё посмелее, тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет. Кот ни с места, как пень. «Берегитесь, – тогда нам сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу как-то она от него уплела), – берегитесь: Мурлыка старый¹⁴ мошенник; ведь он висел без верёвки, а это знак недобрый; и шкурка цела у него». То услыша, громко мы все засмеялись. «Смейтесь, чтоб после не плакать, – мышь Степанида сказала опять, – а я не товарищ вам». И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася с ними в подполье она. А мы принялись как шальные прыгать, скакать и кота тормошить. Наконец, поуставши, все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш Клим, по прозванию Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо взлезши, начал оттуда читать нам надгробное слово, мы же при каждом стихе хохотали. И вот что прочёл он: «Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский, рост богатырский, сизая шкурка, усы как у турка; был он бешен,

¹⁴ Уплела – здесь: убежала, спаслась.

на краже помешан, за то и повешен, радуйся, наше подполье!...»

РАЗНЁСЯ В ПОДПОЛЬЕ СЛУХ, ЧТО МУРЛЫКУ ПО-

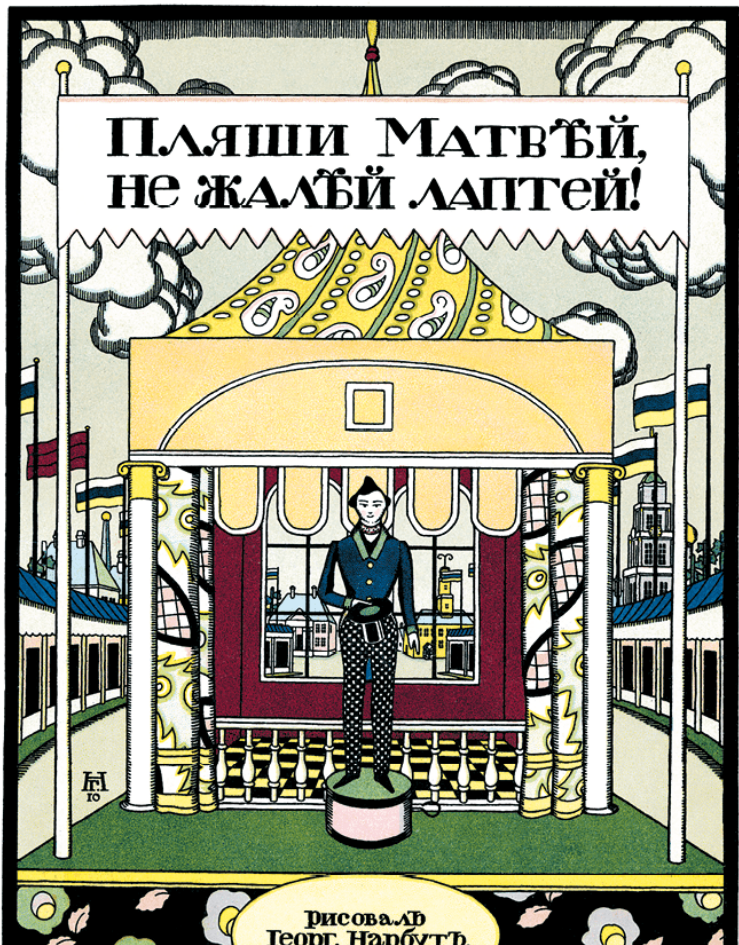
ВЕСИЛИ

Но только успел проповедник это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы бежать... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать из нас осталось на месте; а раненых втрое более было. Тот воротился с ободранным пузом, тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному хвост был оторван; у многих так страшно искусаны были спины, что шкурки мотались, как тряпки; царицу Прасковью чуть успели в нору уволочь за задние лапки; царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою.

ДВАДЦАТЬ ИЗ НАС ОСТАЛОСЬ НА МЕСТЕ; А РАНЕ-
НЫХ ВТРОЕ БОЛЕЕ БЫЛО

Пляши, Матвей, не жале́й лаптей!

Рисова́ль
Георг На́рбутъ

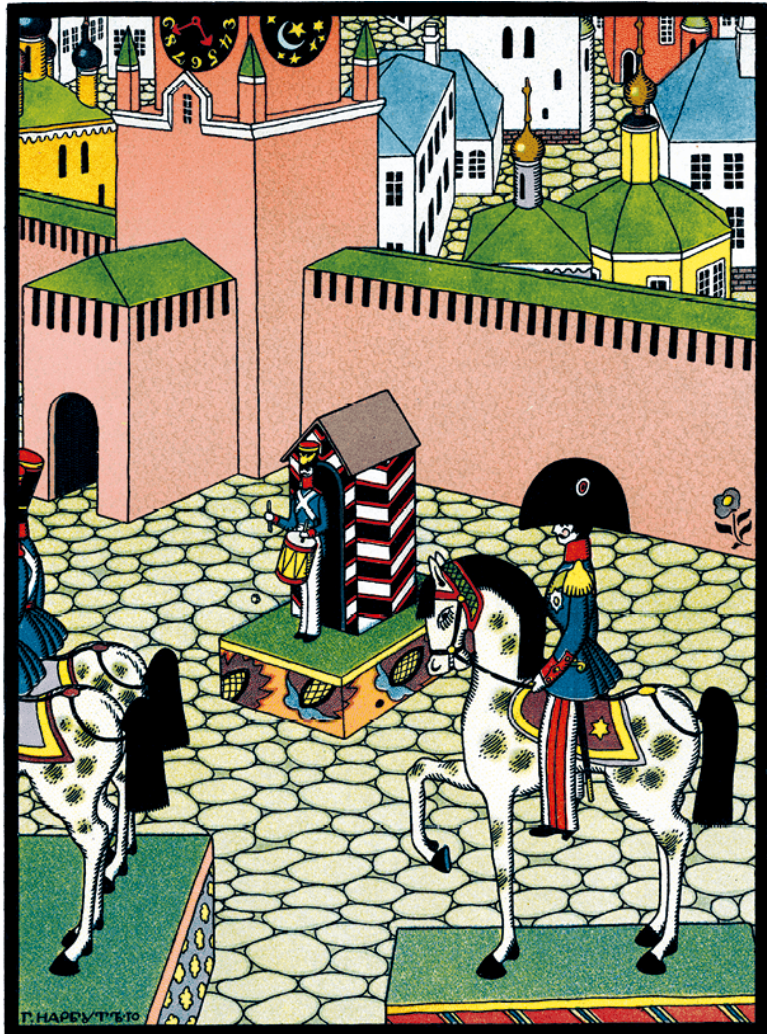

„ПЛЯШИ МАТВѢЙ, НЕ ЖАЛѢЙ ЛАПТЕЙ!“

Тень, тень-потетень,
Выше города плетень!
У Спаса бьют,
У Николы звонят,
У старого Егория
Часы говорят:
«Уж ты бей, не жалеи,
Будет всем веселей!
Разгоняй тоску,
Поминай Москву!
Ах ты, матушка Москва,

Золотая голова!
Тень, тень-потетень,
Выше города плетень!
О шести углах,
О семи головах!»
Похвалялися ежи:
«У нас шубы хороши!»
Похвалялись блохи:
«И у нас не плохи!»
Синичка, синичка,
Воробью сестричка.
Воробей не зевал
Да залез в амбар
Клевать просо
Своим носом.

Ай ду-ду, ду-ду, ду-ду,
Сидит ворон на дубу!
Он играет во трубу,
В трубу точёную,
Позолочённую.
Прилетела синица:
«Когда будем жениться?» –
«А в середу
К обеду!»

«АХ ТЫ, МАТУШКА МОСКВА, ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА!»

Ай лю-лю, лю-лю, лю-лю,
Огород я прополю!
Ко мне курочки бегут,
Гуси серые летят.
Покатилось перо
Во Иваново село.
Там дудочник
Балалаечник
Вышел на крыльцо
Да нашёл кольцо,

Пошёл по водицу,
Нашёл молодицу.
Молодушка-молода
Калачиков напекла.
Калачи – горячи,

ОЙ ТЫ, ДОЖДИК, ДОЖДЬ!

Хоть в окошко мечи!
Пришёл мальчик,
Обжёг пальчик,
На базар побежал,
Отцу-матери сказал!
Отец-старичок
Дал пяточок,
Мать-старушка
Дала ватрушку!
Ой ты, дождик, дождь!
Да на бабкину рожь,
Да на дедову пшеницу,
Да на сестрину косицу,
Да на весь наш дом
Поливай ведром!
А ты, радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышка,
Колоколнышка!
Ой ты, дождик, дождь!
Да на бабкину рожь,
Да на дедову пшеницу,
Да на сестрину косицу,
Да на весь наш дом
Поливай ведром!

С Ъ р ы й К о т Ъ

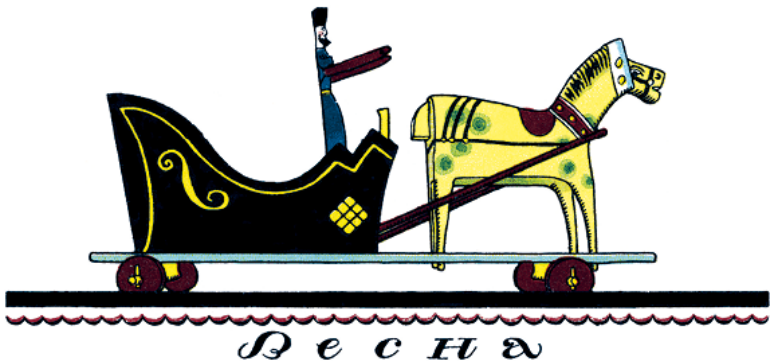
Пошёл котик во лесок,
Нашёл котик поясок,
Чтобы люльку подцепить
Да Ванюшу положить.
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать
Да, серенький, величать:
«Уж ты, дрёма, приходи
Да Ванюшу усыпи».
Пошёл котик во торжок,
Чтоб купить пирожок.
Идёт котик по лавочке,

Ведёт киску за лапочку.
Ходят вместе они –
А ты, миленький, усни!

Уж ты, курочка, не пой,
Конопаточка, не пой,
А ты пой, петушок,

Подавай голосок
На боярский на двор,
Где девица под окном.
Она шапочки пушила –
Не допушивала,
В колокольчики звонила –
Не дозванивала.
А старик на печи
Лапти плёл до ночи,
По деревне пошёл,
Нову денежку нашёл,
Молоду жену купил,
Рано поутру будил:
«Молода жена, вставай!
Да щи подавай!»

Весна-красна,

Ты откуда пришла,
С чем приехала?
«С поднебесья пришла,
Дождик вам принесла.
А приехала я на сошечке,
На новой сошечке
Да на боронушке».